

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНОСТРАННЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ПРАВОВЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**Абрамов Андрей Константинович**

студент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, РФ, г. Нижний Новгород

Радбиль Тимур Беньюминович

научный руководитель, д-р филол. наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, РФ, г. Нижний Новгород

Аннотация. В статье освещаются правовые и лингвистические аспекты производства судебно-лингвистической экспертизы иностранных текстов экстремистской направленности, задачи, стоящие перед лингвистом-переводчиком, выступающим в роли эксперта, очерчиваются пределы его компетенции. Выявляется комплекс проблем, возникающих в процессе перевода экстремистских текстов

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, экстремистские материалы, перевод и переводоведение, вторичный текст, эквивалентность перевода.

Судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ) является самостоятельным видом деятельности процессуального характера, в рамках которой проводится комплексный лингвистический анализ зафиксированного на любом материальном носителе и выступающем в значении доказательства речевого произведения. Таким образом, СЛЭ назначается по спорным текстам, в связи с уголовными делами по обвинению в разжигании религиозной и межнациональной вражды, экстремизме. По результатам проведенного исследования составляется заключение эксперта или специалиста.

В толковом словаре иноязычных слов отечественного лингвиста Л.П. Крысина понятие «экстремизм» трактуется как *«приверженность крайним взглядам и мерам»*.

Юридическое определение данного термина прописано в тексте «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года[1]:

«Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон».

Законодательство Российской Федерации направлено на охрану прав личности и обеспечение стабильной работы структуры государства. Таким образом, в настоящее время имеется ряд нормативных актов, которые содержат норм направленные на обеспечение борьбы с терроризмом и экстремизмом. Так, статья 13 Конституции Российской Федерации запрещает деятельность и создание общественных объединений, действия и цели которых направлены на

разжигание расовой, религиозной, национальной и социальной розни.

Российское уголовное законодательство также предусматривает различные способы нормативно – правового регулирования экстремизма (то есть деяния, совершаемого на почве национальной, религиозной или этнической неприязни в процессе речевой коммуникации) в текстовой (словесной) форме. Диспозиция ст. 280 УК РФ предусматривает ответственность за явно выраженные публичные призывы, а именно лозунги политического содержания в лаконичной форме, которые выражают руководящую политическую требование или идею, побуждающую читателей или слушателей к осуществлению экстремистской деятельности.

Словесный экстремизм чаще всего проявляется в виде агитации и пропаганды, то есть облечен в слово.

Данный вид экстремизма является речевым правонарушением, которое подразумевает совершение в письменной или устной формах вербальных действий, возбуждающих ненависть и вражду между представителями различных народов, конфессий, унижение достоинства человека.

С позиции лингвистики признаки словесного экстремизма могут проявляться в текстах различной стилистической и жанровой направленности, в которых призывы и идеи сопровождаются различными социолектами и средствами литературного языка. Разножанровые материалы, функционирующие, в частности, в интернет-пространстве и в которых содержатся признаки экстремизма состоят из сложной системы языковых знаков – аудиальных, визуальных и письменных. Согласно семиотической традиции, текст – это осмысленная последовательность разнородных знаков.

Исходя из того, что текст в лингвистике рассматривается с позиций содержательных характеристик, связности и цельности, можно сформулировать определение экстремистского текста (ЭТ). ЭТ – это особый вид текста, который создан по определенному авторскому замыслу с помощью различных экстралингвистических лингвистических средств, которые в свою очередь обладают семантическими и специфическими композиционными чертами, особой прагматической установкой жанровой и стилевой принадлежностью.

Предметом СЛЭ в отношении текстов экстремистской направленности являются обстоятельства и факты, которые устанавливаются на основе изучения закономерностей существования функционирования языка, а объектом — публицистические и художественные произведения, креолизованные тексты (каркатуры, мемы, демотиваторы, видео и аудио записи) и т.д., тексты интернет-коммуникации (гиперссылки посты, репосты), лозунги.

Основная цель СЛЭ - обозначить коммуникативно-смысловой функционал спорных текстов и используемых в них приемов пропаганды. Иными словами, необходимо выявить установки, пропагандируемые идеи, обозначить их смысловую направленность и определить, какими способами они навязываются массовой аудитории. В результате проведенного исследования эксперт отвечает на следующие вопросы: содержит ли спорное речевое сообщение коммуникативные признаки призыва, присутствуют ли в спорном тексте оскорбительные и унижительные высказывания в отношении члена той или иной этнической, национальной, религиозной или социальной общности.

Наиболее спорной и сложной проблемой судебно-лингвистического исследования при производстве экспертизы считается анализ так называемого «вторичного текста» (далее — ВТ). Под данным понятием подразумевается переводной текст, который изначально был создан на базе первичного или исходного текста. Прежде всего этого связано с природой переводного текста и особенностями переводческого процесса. В лингвистике переводчик - это посредник, интерпретатор, создающий новый продукт речевой деятельности, а именно текст на языке перевода. Переводной текст является производным от исходного текста, создаваемый с учетом его определенных характеристик и воспроизводимый средствами иного языка в условиях иной культуры. Иными словами, перевод — это не техническая замена одного языка другим, это многогранный процесс, при котором происходит столкновение языковых, культурных и ментальных парадигм, которые в свою очередь могут относиться и к различным историческим периодам.

Необходимо отметить, что языковое содержание оригинального текста практически не воссоздается в полном объеме. Переводные тексты - это особые кодовые преобразования, основанные на субъективности переводчика, что придает им «статистико-вероятностный характер».

Современная экспертология неоднозначно относится к вторичному (иностранному) тексту как к объекту СЛЭ (в суде рассматривается именно перевод, а не оригинал). Основной трудностью в деятельности переводчика является поиск эквивалентности. При переводе текста в процессе СЛЭ, эквивалентность приобретает первостепенное значение.

В теории перевода понятие «эквивалентность» предполагает «постоянное равнозначное соответствие», рассматриваемое на уровне слова, предложения и всего текста. Однако на практике, особенно если речь идет о лексической эквивалентности, «равенство объектов во всех отношениях» невозможно.

Большая часть исследуемых экстремистских текстов при производстве СЛЭ обладает всеми признаками креолизованного текста. Креолизованность текста, с одной стороны, является препятствием, а с другой – может и облегчить переводческий процесс. Необходимо отметить, что помимо вербальных составляющих переводчику необходимо учитывать и иконические. Как справедливо отмечает Н.М. Дугалич[2], в этом случае создается новый текст, эквивалентный первоначальному, который должен содержать итог декодирования визуального ряда и анализ содержания непрямого варианта, а именно специфические, прецедентные, социокультурные данные, метафорические и другие парадигмы как текстового, так и иконического плана.

Так, англоязычные экстремистские тексты, которые функционируют преимущественно в международных социальных сетях и блогосферах, подразделяются на 3 типа по степени переводимости на русский язык[3]:

- частичная переводимость;
- полная переводимость;
- сложная переводимость;

Рассмотрим данную типологию на конкретных примерах.

Частичная переводимость

Авторский комментарий в Tweeter после новостных сообщений о теракте в Лондоне 22 марта 2017 года:

Неизвестный мужчина, находясь за рулем автомобиля сначала смертельно ранил офицера британской полиции, а затем сбил несколько прохожих. Ответственность за эту атаку взяла на себя запрещенная в России и в мире террористическая группировка ИГИЛ («ИГИЛ», террористическая группировка, деятельность которой запрещена в России, – прим. ред.). Далее последовало официальное заявление премьер-министра Терезы Мей, о том, что убийца действовал в одиночку, но был «воодушевлен исламистской идеологией». При задержании террорист был ликвидирован.

Изображение: отсутствует

ИТ: *IT SERVES YOU RIGHT, ASSHOLE! BULLET IN YOUR HEAD FOR OUR GUY!!!!*

ПТ: *ТАК ТЕБЕ И НАДО, КОЗЁЛ. ПУЛЮ ЕМУ В ГОЛОВУ ЗА НАШЕГО ПАРНЯ!!!*

В данном примере трудность в достижении полной эквивалентности обусловливается наличием в ИТ полисемичной лексики “ASSHOLE”, которая согласно словарю В.К Мюллера[4] может иметь следующие значения: *нудный и глупый человек*.

Переводчик отходит от буквального перевода и использует прием лексической замены с зоосемантическим компонентом. Слово «козел» в своем изначальном значении в русском

языке табуированным не считается, но может расцениваться как оскорбление в определенном контексте. В англо – русских словарях ненормативной лексики можно найти более оскорбительные варианты перевода данной лексики: «кретин» «урод», «придурак». Переводчик выбирает относительно нейтральный вариант, так как невозможно точно определить степень эмоционального накала автора. Таким образом, в данном примере не вызывает сомнения правомерность переводческого приема. Русские и иностранные инвективы, в частности английские, имеют различные коннотации, и их не следует дословно переводить. При переводе бранной лексики необходимо отображать эмоциональное звучание с помощью подбора адекватных эквивалентов, которые будут допустимы в подобного рода коммуникативных контекстах.

Полная переводимость:

Пост на английском языке в сети Facebook, включающий в себя вербальный и иконический элементы:

Изображение: Бритоголовый молодой человек в джинсах с камуфляжным рисунком и подвернутыми манжетами, в грубых армейских ботинках левой рукой держит за горло бородатого мужчину в чалме и длинной белой рубашке Правая рука занесена для удара.

Исходный текст (ИТ):

To be or not to be? Beat or not to beat? Stop asking questions! Just beat!

Перевод (ПТ):

Быть или не быть? Бить или не бить?

Хватит задавать вопросы! Просто бей!

В этом случае можно наблюдать абсолютный параллелизм структуры и лексического наполнения ПТ и ИТ. Простые синтаксические конструкции, отсутствие полисемантических слов, небольшой объем лексики позволяют осуществить последовательный дословный перевод всех компонентов без каких-либо переводческих трансформаций. Графическое изображение также декодируется однозначно.

Сложная переводимость

Сообщение на английском языке в Tweeter:

Изображение: отсутствует

ИТ: 14/88 — Forever!!!!

ПТ: 14/88 — Навсегда!!!

Переводчиком предлагается дословный перевод, но в этом случае дается подробный комментарий, без которого не достигается понимание и авторская интенция. В ИТ присутствует своего рода цифровой код, который используется сторонниками нацистской идеологии: 14 — это количество слов в расистской цитате Дэвида Лейна, 88 — количество заповедей, прописанных в его манифесте по обеспечению установления, сохранения и защиты белого населения в мире.

Таким образом, проблематика исследования переводных экстремистских текстов обусловлена тесной взаимосвязью лингвистической и юридической наук, поэтому взаимодействие двух наук – лингвистики и юриспруденции требует системной регуляризации и изучения. «Социальный заказ», направленный на назначение и проведение судебного лингвистического исследования текстов экстремистского содержания, в данном случае приобретает наибольшую значимость.

Это обуславливается активным распространением в свободном доступе (интернет – пространстве) деструктивных идей, которые направлены на унижение лиц по признаку расовой, национальной и религиозной принадлежности, на возбуждение вражды и ненависти к народам и религиозным конфессиям.

Список литературы:

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом" (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001)
2. Дугалич Н.М. Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. No 4. С. 902—911
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2014.
4. Мюллер, В.К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов / В.К. Мюллер. - М.: АСТ, 2019. - 800 с.
5. Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001
6. Ларина Т.В., Озюменко В.И., Горностаева А.А. Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект // Вопросы психолингвистики. 2012, 2 (16), С. 30—39.
7. Ponton D., Larina T. (2016). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I). Russian Journal of Linguistics, 20 (4), 7—25.
8. Ponton D., Larina T. (2017). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). Russian Journal of Linguistics, 21 (1), 7—21.
9. Perry, B., & Olsson, P. (2009) Cyberhate: the globalization of hate. Information & Communications Technology Law, 18(2). Retrieved from <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13600830902814984>
10. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е. М.: Ладомир, 2001
11. Prentice, S., Rayson, P., & Taylor, P. (2010). The language of Islamic extremism: Towards an auto- mated identification of beliefs, motivations and justifications. International Journal of Corpus Linguistics.